

ОГЛАВЛЕНИЕ

Карта Китая	8
Вступление	11

Часть I. Путь к республике (1866–1911)

Глава 1. Возвышение «отца китайской нации»	19
Глава 2. Чарли Сун: методистский проповедник и тайный революционер	49

Часть II. Сестры Сун и Сунь Ятсен (1912–1925)

Глава 3. Айлин: «на редкость смышленная» юная леди	65
Глава 4. Китай вступает на путь демократии	87
Глава 5. Замужества Айлин и Цинлин	96
Глава 6. Мадам Сунь	110
Глава 7. «Я хотел бы последовать примеру моего друга Ленина»	125

Часть III. Сестры Сун и Чан Кайши (1926–1936)

Глава 8. Дамы из Шанхая	145
Глава 9. Знакомство Мэйлин с будущим генералиссимусом	158
Глава 10. Жизнь с диктатором, загнанным в угол	172
Глава 11. Цинлин в изгнании: Москва, Берлин, Шанхай	187
Глава 12. Команда мужа и жены	202
Глава 13. Спасение сына Чан Кайши из рук Сталина	210
Глава 14. «Жена спасет мужа»	218

Часть IV. Сестры Сун в военное время (1937–1950)

Глава 15. Отвага и продажность	231
Глава 16. Неудовлетворенность Красной сестры	246
Глава 17. Триумф и горести Младшей сестры	257
Глава 18. Падение режима Чан Кайши	268

Часть V. Три женщины, три судьбы (1949–2003)

Глава 19. «Мы должны покончить с душевностью». На посту заместителя Мао	285
Глава 20. «Я ни о чем не жалею»	299
Глава 21. На Тайване	316
Глава 22. Голливудские связи	335
Глава 23. Нью-Йорк, Нью-Йорк	343
Глава 24. Навстречу переменам	351
Фотографии	360
Список фотографий	394
Примечания	396
Использованные архивы	429
Библиография	430
Благодарности	448

Китайская Республика, 1945 год

ВСТУПЛЕНИЕ

Самая известная «волшебная сказка» современного Китая — это история жизни трех сестер из Шанхая, которые родились в конце XIX века. Их семья, носившая фамилию Сун, была богатой, именитой и принадлежала к местной элите. Родители сестер исповедовали христианство: мать происходила из знатного христианского рода — китайского клана Сюй, в честь которого назван один из районов Шанхая; отец еще в юности первым из китайцев обратился на американском Юге в методизм. Три дочери четы Сун — Айлин (ее имя составляют иероглифы «изобильные годы», родилась в 1889 году), Цинлин («благословенные годы», родилась в 1893 году) и Мэйлин («прекрасные годы», родилась в 1898 году) — в раннем возрасте были отправлены учиться в Америку, что в то время случалось чрезвычайно редко. Когда девочки вернулись на родину, они говорили по-английски лучше, чем по-китайски. Миниатюрные, с тяжелыми подбородками, сестры Сун по традиционным представлениям китайцев вовсе не были красавицами: овалы их лиц не напоминали дынные семечки, глаза не имели миндалевидной формы, а брови не изгибались ивовыми веточками. Однако их кожа была очень нежной и гладкой, черты лица — тонкими, а стройность тел подчеркивали модные наряды. Сестры повидали мир, отличались умом, свободомыслием и уверенностью в себе. В них чувствовался аристократизм.

И все-таки «принцессами» современного Китая сестры стали прежде всего благодаря своим уникальным бракам. Мужчиной, который сначала влюбился в Айлин, а затем в Цинлин, был Сунь Ятсен, проложивший революционный путь к свержению монархии в 1911 году. Сунь Ятсена называют «отцом Китайской Республики» и почитают в любом уголке мира, где говорят на китайском языке. Цинлин стала его женой.

Сунь Ятсен умер в 1925 году. Его преемник Чан Кайши ухаживал за младшей из сестер, Мэйлин, и впоследствии женился на ней.

В 1928 году Чан Кайши занял пост председателя Национального правительства Китайской Республики и долгое время руководил страной, а в 1949 году коммунисты изгнали его на Тайвань. В течение двадцати двух лет, пока Чан Кайши был у власти, Младшая сестра являлась первой леди страны. В годы Второй мировой войны, когда Чан Кайши возглавлял борьбу китайского народа против японских захватчиков, Мэйлин стала одной из самых известных женщин своей эпохи.

Айлин, старшая из сестер, вышла замуж за Кун Сянси, который благодаря связям жены в течение многих лет занимал важные государственные посты — он был министром финансов и даже премьер-министром. Деятельность супруга помогла Айлин войти в число богатейших женщин Китая.

Помимо дочерей в семье Сун было три сына, и все они составляли ближайшее окружение Чан Кайши, чего нельзя сказать о Цинлин, вдове Сунь Ятсена, которая примкнула к коммунистам. Цинлин иногда называли Красной сестрой. Так члены одной семьи оказались во враждующих политических лагерях. Во время гражданской войны, которая началась в Китае после Второй мировой, Красная сестра прилагала максимум усилий, чтобы помочь коммунистам разгромить Чан Кайши, хотя его поражение означало бы катастрофу для ее семьи. В 1949 году режим Чан Кайши пал, к власти в стране пришли коммунисты. Председателем Китайской Народной Республики стал Мао Цзэдун, а Красная сестра заняла пост его заместителя.

Безусловно, жизнь сестер уникальна не только тем, что они выходили замуж за очень влиятельных мужчин. Судьбы сестер Сун, и в том числе их личная жизнь, — предмет постоянных обсуждений в китайскоязычной среде. Я помню два конкретных случая из своего детства, прошедшего в Китае времен Мао Цзэдуна, в 1950–1970-х годах XX века, в условиях жесткого тоталитарного контроля и полной изоляции от внешнего мира. Первый эпизод связан с Младшей сестрой, мадам Чан Кайши: поговаривали, что каждый день она принимает молочные ванны, дабы ее кожа сияла свежестью. Молоко, этот питательный и вкусный напиток, было тогда дефицитом, недоступным среднестатистической китайской семье. Купание в молоке казалось возмутительным сибаритством. Один учитель как-то попытался развеять ходившие слухи

и проворчал, обращаясь к своим ученикам: «Неужели вы действительно думаете, что купаться в молоке приятно?» Вскоре он пополнил ряды ненавистных «правых».

Другая история, которая произвела на меня неизгладимое впечатление, касается Цинлин: она, заместитель председателя пуританского Красного Китая, якобы сожительствовала с начальником своей охраны, причем мужчина был вдвое моложе нее. Рассказывали, что они сблизились физически потому, что охранник на руках переносил Цинлин в постель и из постели, когда она состарилась и оказалась в инвалидном кресле. Люди гадали, женаты они или нет, и спорили о допустимости таких отношений. Говорили, что партия разрешила эту любовную связь, поскольку Цинлин давно овдовела и ей требовался мужчина, и якобы партия даже позволила Цинлин по-прежнему носить прославленную фамилию Сунь. Этот случай запомнился мне потому, что мы крайне редко слышали сплетни о сексуальной жизни лидеров страны. Никто не осмеливался перемывать кости высшему руководству.

После смерти Мао Цзэдуна в 1976 году Китай открылся внешнему миру, а я переехала в Великобританию и узнала о жизни трех сестер гораздо больше. В середине 1980-х годов мне даже поручили написать небольшую книгу о Цинлин — Красной сестре. Я провела исследовательскую работу и подготовила рукопись объемом примерно в тридцать тысяч слов, но так и не прониклась этой темой. Я даже не попыталась докопаться до истины в истории о связи Цинлин с охранником.

В 1991 году вышел мой роман «Дикие лебеди: три дочери Китая». Эта книга повествует о жизни трех женщин: моей бабушки, моей матери и о моей собственной жизни. Тогда же я со своим мужем Джоном Холлидеем работала над биографией Мао Цзэдуна. Мао и его тень главенствовали на протяжении первых двадцати шести лет моей жизни, и я стремилась узнать о нем как можно больше. Затем мое внимание привлекла вдовствующая императрица Цыси, последняя в череде великих правителей Китая. Цыси, прошедшая путь от наложницы низкого ранга до государственного деятеля, в течение нескольких десятилетий фактически правила империей (женщинам в Китае не позволялось быть монархами) и вывела страну из мрака Средневековья в современную эпоху. В течение двадцати лет эти два объекта моих литературных

исследований меня не отпускали. Выбрать того, о ком я хотела бы написать, оказалось непросто. В голове мелькнула мысль о сестрах Сун, но я отмела ее. После «Диких лебедей» я писала о людях, которые задают курс и меняют ход истории, а сестры Сун, казалось, не принадлежали к этой категории.

Если судить по доступным источникам, сестры как отдельно взятые личности оставались персонажами из сказки. Об этом свидетельствует распространенное изречение: «Жили в Китае три сестры. Одна любила деньги, другая любила власть, а третья любила свою родину». Словно и не было никаких внутренних конфликтов, нравственных дилемм, мучительных решений — всего того, что делает людей по-настоящему живыми и вызывает к ним интерес.

Я задумала написать книгу о Сунь Ятсене, которого называют «отцом Китайской Республики», а также «отцом китайской нации». Сунь Ятсен родился в 1866 году, а умер в 1925-м, он проявил себя в период между правлениями Цыси и Мао Цзэдуна, так же, как и они, задавал курс исторического развития страны и служил своего рода «мостиком» от Цыси к Мао. При Цыси Китай начал свой путь к парламентской демократии, к бóльшей свободе и политике открытости. Однако через четыре десятилетия после смерти Цыси (она скончалась в 1908 году) к власти в стране пришел Мао Цзэдун. Он изолировал Китай от внешнего мира и погрузил страну в пучину тоталитарной тирании. Что же произошло за те сорок лет, пока фигура Сунь Ятсена играла ключевую роль в политической жизни Китая? Этот вопрос давно не давал мне покоя. И теперь представился случай найти ответ.

Китайцы и люди, которые живут за пределами китайскоязычного мира и кое-что знают о Сунь Ятсене, считают его поистине святым. Но был ли он таковым? Что именно он сделал для Китая? Каким он был человеком? Я хотела получить ответы на эти и многие другие вопросы.

Воссоздавая по крупицам жизнь Сунь Ятсена и судьбы тех, кто его окружал, я обратила внимание на глубину характера его жены и ее сестер и заинтересовалась этими женщинами. Я пришла к выводу, что Сунь Ятсен был ловким политиканом, упорно стремившимся к намеченным целям. К счастью для меня (как для биографа), он оказался отнюдь

не святым. Прослеживая его путь во власть, полный взлетов и падений, бандитских разборок и заказных убийств, я словно читала детективный роман. Я получала огромное удовольствие, выясняя, как этот человек творил историю. Однако постепенно все более насыщенной и притягательной мне стала казаться жизнь близких ему женщин, лишь отчасти посвященная политике. И я решила сделать исследование их судеб предметом этой книги.

Переключив внимание на трех сестер, я как будто прозрела: только теперь стало очевидно, насколько незаурядными личностями они были. Их жизни соединили три века (Мэйлин умерла в 2003 году в возрасте ста пяти лет), сестры оказались в самом центре событий, они жили в эпоху войн, революций и масштабных преобразований. Декорации менялись от грандиозных приемов в Шанхае до нью-йоркских пентхаусов, от пристанищ изгнанников в Японии и Берлине до комнат для тайных встреч в Москве, действие переносилось из пекинских резиденций коммунистической элиты на Тайвань, который шел по пути демократических реформ. Надежда, отвага и пылкая любовь трех сестер чередовались с отчаянием, страхом и большими трагедиями. Сестры наслаждались баснословной роскошью, привилегиями и славой, но вместе с тем постоянно рисковали своими жизнями. Цинлин чудом избежала смерти, однако у нее произошел выкидыш, и больше она не могла иметь детей. Перенесенные страдания повлияли на ее деятельность на посту заместителя председателя коммунистического Китая.

Мэйлин тоже не смогла выносить ребенка и осталась бездетной. Политическая карьера ее мужа, Чан Кайши, пошла в гору после того, как он убил одного из врагов Сунь Ятсена. Но и самого Чан Кайши преследовали наемные убийцы, двое из которых однажды ночью пробрались прямо в спальню супругов.

Айлин помогала младшей сестре заполнить душевную пустоту, вызванную отсутствием детей, однако самой Айлин всю жизнь приходилось бороться с неприятностями, не последнее место среди которых занимала ее неизменно дурная репутация: ее считали алчной и подлой Старшей сестрой, при этом Красную сестру воспринимали как непорочную богиню, а Младшую — как яркую звезду международного масштаба. Их взаимоотношения — это целая буря страстей, и не только потому, что

Цинлин принимала активное участие в разрушении жизни двух других сестер. Чан Кайши убил человека, которого Цинлин полюбила после смерти Сунь Ятсена; этим человеком был Дэн Яньда, прирожденный лидер и харизматичный политик, основавший Третью партию*, альтернативную Коммунистической партии Китая и Гоминьдану.

Современная история Китая неразрывно переплетена с драматическими судьбами сестер Сун. К счастью, работая над книгой об этих женщинах — и о титанах китайской политики Сунь Ятсене и Чан Кайши, — я не испытывала недостатка в материалах. Обширная переписка, мемуары и другие труды, в том числе хранящиеся в Китае, к тому времени уже были опубликованы и доступны. Архивы Тайваня распахнули свои двери. Немало ценных сведений я нашла в Лондоне, где Сунь Ятсен инициировал собственное «похищение», ставшее отправной точкой его политической карьеры. И самое главное: в различных учреждениях и библиотеках США, страны, с которой семья Сун поддерживала тесные связи, хранится огромное количество документов — поистине кладезь информации. Наиболее важный документ, сравнительно недавно пополнивший эти коллекции, — дневник Чан Кайши, который он вел ежедневно на протяжении пятидесяти семи лет: неожиданно личный, со множеством откровений, касающихся его брака с Мэйлин.

История сестер Сун началась, когда Китай вступил на путь преобразования монархии в республику. Человеком, который сыграл главную роль в этом историческом процессе, был Сунь Ятсен. Именно он и его политическая деятельность оказали решающее влияние на жизни и судьбы трех сестер Сун.

* Также Рабоче-крестьянская демократическая партия Китая, или Нунгундан. *Прим. ред.*

ЗАМУЖЕСТВА АЙЛИН И ЦИНЛИН

Чарли Сун оставался в Японии. Из-за связи с Сунь Ятсеном он не мог вернуться в Шанхай — это было небезопасно. Чарли тосковал по родине и друзьям. Однажды на вокзале в Токио он случайно встретил свою близкую приятельницу миссис Робертс, американскую миссионерку. Обрадованный Чарли заключил женщину в объятия (в то время в Японии представители противоположных полов крайне редко позволяли себе обниматься у всех на виду). Миссис Робертс вспоминала, как Чарли провожал ее: он стоял на перроне и махал рукой, «его глаза были полны слез, и никогда еще расставание не причиняло мне таких мучений»¹.

Чарли проводил много времени в местном отделении Юношеской христианской ассоциации. Там он познакомился с молодым человеком по имени Кун Сянси. Ответственный, добродушный и вежливый, Кун Сянси очень понравился Чарли. Мужчина был вдовцом на несколько лет старше Айлин. Он был родом из провинции Шаньси на северо-западе Китая и происходил из зажиточной семьи. Его семья жила в большом доме, построенном в традиционном китайском стиле. Дом венчала прочная нарядная крыша из черной черепицы, окна с решетчатыми переплетами смотрели во внутренний дворик. Как и Айлин, Кун Сянси посещал миссионерскую школу и учился в Америке. Он закончил Оберлинский колледж и имел диплом магистра Йельского университета. Но самое главное, он был набожным христианином — его крестили в возрасте двенадцати лет после того, как врач из миссии вылечил ему опухоль. За работу в токийском отделении Юношеской христианской ассоциации Кун Сянси получал жалованье от Оберлинского колледжа.

Чарли пригласил Кун Сянси на ужин, где молодой человек познакомился с Айлин. Вскоре они полюбили друг друга. В преклонные годы

Кун Сянси писал в мемуарах: «Мы часто гуляли в парке. Моя жена обожала поэзию. В колледже она специализировалась на английской литературе... Это была истинная любовь!»²

Поведение Сунь Ятсена — не только по отношению к близким, но и по отношению к политическим оппонентам, — все чаще вызывало у Айлин неприятие. Айлин и Кун Сянси крайне отрицательно восприняли войну Сунь Ятсена против президента Юань Шикая, развязанную после убийства Сун Цзяожэня. Кун Сянси симпатизировал Сун Цзяожэню, поэтому потребовал у Сунь Ятсена доказательств виновности Юань Шикая. Сунь Ятсен признался, что фактов нет — одни подозрения. Слушая Сунь Ятсена, Кун Сянси чувствовал отвращение к нему. В своих мемуарах Кун Сянси писал: складывалось ощущение, что Сунь Ятсен действует в интересах Японии, а не Китая. Некие «японские организации стремились помочь доктору Сунь Ятсену, чтобы сеять беспорядки в Китае. Организация молодых офицеров намеревалась захватить Китай. Они пытались помочь доктору Сунь Ятсену прийти к власти и при его участии разделить Китай... Мне казалось, что японцы используют его». Кун Сянси предупредил Сунь Ятсена о подобной опасности и поделился с ним своими соображениями: «Я считал, что Юань Шикаю и доктору Сунь Ятсену остается только одно — объединить усилия, чтобы Китай не распался, а, наоборот, сплотился». Кун Сянси также претили диктаторские замашки Сунь Ятсена. Вернувшись в Японию после неудачной кампании против Юань Шикая, Сунь Ятсен решил порвать с Гоминьданом, который почти не поддерживал его в этой войне, и учредил новую партию — «Китайский революционный союз» (Чжунхуа гэминдан). Сунь Ятсен настаивал на том, чтобы члены новой партии давали клятву, обещая полностью подчиняться ему лично. Шокированный этим Кун Сянси стал избегать общения с Сунь Ятсеном и членами его партии. Один из друзей писал, что Кун Сянси «так и не примкнул к революционерам, хотя ему предлагали». По сути, он «презирал их» и «оставался преданным сторонником правительства [Юань Шикая]... жертвуя при этом собственной популярностью у некоторых китайских студентов». Айлин согласилась с позицией Кун Сянси и начала деликатно, но явно отдаляться от Сунь Ятсена³.

Кун Сянси и Айлин решили пожениться. Их свадьба состоялась в сентябре 1914 года в Иокогаме, в маленькой церкви на холме. На церемонии присутствовали родственники и близкие друзья. Сунь Ятсена в их числе не было. Айлин хорошо запомнила этот день: на ней был свадебный наряд — жакет и юбка из бледно-розового атласа, расшитые узором из цветов сливы* более насыщенного оттенка розового, а прическу украшали живые цветы в тон костюму. После праздничной трапезы в доме Чарли Суна новобрачные уехали в свадебное путешествие. Перед отъездом Айлин переделалась в платье из светло-зеленого атласа с вышитыми на нем золотыми птичками. В тот день погода была переменчивой, но как только молодожены оказывались под открытым небом, дождь прекращался и выходило яркое солнце, так что прическа Айлин и ее наряд не пострадали. Новобрачные решили, что это «очень хорошее предзнаменование»⁴.

После свадебного путешествия супруги отправились на родину Кун Сянси — в провинцию Шаньси, где начали жить самостоятельно. Муж Айлин работал директором местной миссионерской школы, а она там же преподавала. Вскоре Кун Сянси занялся бизнесом и с помощью жены смог сколотить огромное состояние.

Сунь Ятсен выразил недовольство по поводу брака Айлин и Кун Сянси, однако его сердце отнюдь не было разбито: в его окружении появилась более молодая и миловидная женщина, затмившая Айлин. Этой женщиной стала ее сестра Цинлин, выпускница Уэслианского колледжа, вернувшаяся на родину в августе 1913 года. В отличие от осмотрительной и осторожной Айлин, младшая сестра была пылкой и порывистой, к тому же она стала настоящей красавицей с нежной и тонкой, как фарфор, кожей. Цинлин заняла место ассистента-переводчика Сунь Ятсена. Судя по всему, Айлин умолчала о том, что Сунь Ятсен пытался ухаживать за ней. Она предпочитала не распространяться о подобных вещах.

* В Китае слива символизирует долголетие, выносливость, силу духа, красоту и чистоту. Сливовое дерево также традиционный восточный символ юности девушки, а пять лепестков цветка сливы олицетворяют собой радость, счастье, долголетие, мир и удачу. *Прим. ред.*

Соученики Цинлин по Уэслианскому колледжу запомнили ее «сшитый по особому заказу теплый костюм» и «ее комнату, всегда наполненную восточными ароматами». Цинлин была «еще более тихой, чем ее старшая сестра», держалась «очень робко» и «сдержанно». Правда, Цинлин проявила себя и с другой стороны. Ее сокурсница рассказывала: «Помню, как была взволнована [Цин]лин, когда узнала, что Китай стал республикой. Меня эта новость заинтересовала именно из-за того восторга, который она выразила. Она всегда казалась спокойной и невозмутимой, и я удивилась, увидев, сколько жизни в ней на самом деле». В Цинлин было не только жизнелюбие, но и страсть к политике. В комнате Цинлин висел национальный флаг Китая эпохи правления маньчжуров — дракон на желтом фоне. Однажды ее соседка по комнате увидела, как Цинлин забралась «на стул, чтобы снять со стены китайского дракона, ведь отец прислал ей новый флаг Республики». Цинлин с «эффектным возгласом “К черту дракона! Да здравствует флаг Республики!” бросила старое знамя на пол и затоптала ногами»⁵.

Сунь Ятсен был кумиром Цинлин. По дороге в Японию, где ей предстояло встретиться с отцом и с Сунь Ятсеном, Цинлин сообщила одному из своих преподавателей: «Я везу доктору Суню ящик калифорнийских фруктов от его местных почитателей и горжусь тем, что мне выпала честь доставить ему личное письмо»⁶. Поскольку семья Цинлин поддерживала тесную связь с Сунь Ятсеном, его соратники тепло приветствовали двадцатилетнюю девушку. Цинлин, которая любила разыгрывать из себя важную особу, писала своей учительнице Маргарет Холл: «Я... ходила по званым ужинам и театрам, пока не свыклась с жизнью на широкую ногу... Я была “почетной гостьей” на приеме в честь китайских студентов... Поднявшись на борт, я обнаружила, что моя каюта вся в цветах и завалена газетами, журналами и фруктами. Я почувствовала себя по-настоящему знатной персоной»⁷.

Цинлин взяла за образец Жанну д'Арк и отождествляла себя с героинями, которые самоотверженно боролись «за правое дело». С фотографии, сделанной в те годы, Цинлин смотрит дерзко, словно протестуя против какой-то чудовищной несправедливости. На момент ее знакомства с Сунь Ятсеном его политическая карьера находилась в самом серьезном кризисе со времен основания республики. Война с Юань

Шикаем закончилась для Сунь Ятсена поражением, он жил в тесной комнатухе без мебели (такие снимают студенты) и существовал за счет мелких пожертвований от японских спонсоров. Все то, что наверняка оттолкнуло бы других женщин, внушило Цинлин еще бóльшую любовь к нему. Для нее невзгоды Сунь Ятсена были проявлением вопиющей несправедливости, ведь он жертвовал собой ради молодой республики. Эта мысль трогала Цинлин до глубины души. «У него поистине железные нервы», — говорила она с нежностью и благоговением. И мечтала посвятить ему свою жизнь и разделить с ним груз испытаний, выпавших на его долю. Цинлин влюбилась.

Жизнь с Сунь Ятсеном была яркой и насыщенной. Несмотря на свою вражду с действующим президентом Китая, Сунь Ятсен, как бывший временный президент (и первый президент Китайской Республики), был востребован в обществе. Вместе с ним на всевозможные торжественные и светские мероприятия приглашали Цинлин, и она прекрасно проводила время. В одном из писем своей американской подруге Элли Слип Цинлин сообщала, что посетила знаменитый курорт с горячими источниками — «самый великолепный отель в мире», — где вращалась в высших кругах: «Сейчас... расскажу, за кого я безумно хотела бы выдать тебя замуж. Он австрийский посол и самый симпатичный холостяк на свете. Там присутствовали все члены посольства»⁸.

Цинлин также описывала «миниатюрный фруктовый сад», который видела в другом живописном уголке: «Он был великолепен. Самые разные карликовые деревья: яблони, груши, гранаты, хурма. Какой невероятно интересной стала сейчас жизнь. Если ты любишь все красивое, обязательно приезжай на Восток как можно скорее. Я буду твоей дуэньей, а если ты пожелаешь нарвать запретных плодов, стану смотреть на это сквозь пальцы».

Цинлин обнаружила, что у них с Сунь Ятсеном много общего. Он принял христианство, но глубиной веры никогда не отличался. Цинлин с самого детства весьма скептически относилась к миссионерам и не воспринимала их всерьез. Восхищаясь очередной танцевальной вечеринкой под звуки гавайского оркестра на борту судна, следовавшего в Японию, она добавила: «Даже миссионеры присоединились — разумеется, исключительно в качестве зрителей». Цинлин делилась с Сунь Ятсеном

забавными историями, которые были связаны с ее религиозной жизнью: «Когда я рассказала ему, как во время учебы в Америке нас всех по воскресеньям гоняли в церковь и я пряталась в шкафу за одеждой, а когда все девочки и наставницы уходили, вылезала и писала письма домой, он расхохотался и заявил: “Значит, нам обоим гореть в аду”»⁹.

Зарождавшееся между ними чувство казалось Сунь Ятсену подарком судьбы. Он влюбился без памяти. Однажды, когда Цинлин уехала в Шанхай навестить мать, Сунь Ятсен поручил своему агенту найти способ отправлять девушке любовные письма так, чтобы ее мать ни о чем не догадывалась. В ожидании ответов от Цинлин он терял аппетит и сон — его квартирная хозяйка сразу распознала у него любовное томление. Сунь Ятсен доверился ей: «Я просто не могу не думать о Цинлин. С тех пор как я встретил ее, я чувствую, что впервые в жизни полюбил. Теперь мне известна сладость любви и ее горечь»¹⁰.

Пожалуй, самым верным признаком влюбленности Сунь Ятсена было то, что человек, называвший себя «спасителем Китая», «единственным великим и благородным лидером» и требовавший от всех вокруг «безоговорочного подчинения», не ощущал уверенности во взаимоотношениях с Цинлин и боялся, что девушка отвергнет его. Желая подразнить его, Цинлин, например, могла сказать, что решила перебраться в Америку, хотя на самом деле подобных планов у нее не было. Как-то раз, уезжая в Шанхай, она заявила, что намеревается выйти там замуж и в следующий раз они увидятся, когда она будет вместе с супругом. Когда прошел слух, что президент Юань Шикай хочет стать императором, Цинлин сообщила Сунь Ятсену, что подумывает сочетаться с Юань Шикаем браком, «чтобы быть императрицей» или императорской наложницей¹¹. Слова Цинлин привели Сунь Ятсена в ярость, он попросил ее отца объяснить, правда это или нет. Озадаченный Чарли ответил: «Я склонен считать, что это шутка, нежели что-либо другое», «детский лепет», «не верьте всему, что говорят юные девушки, которые любят позабавиться». По-видимому, Чарли не обратил внимания на то, что его дочь потешалась подобным образом именно над мужчиной, который, как она знала, по уши влюблен в нее. Чарли, убежденный, что все в порядке, вернулся в Шанхай. Цинлин осталась наедине с Сунь Ятсеном, и ее любовь расцвела пышным цветом.

Летом 1915 года Цинлин приехала в Шанхай — просить у родителей разрешения выйти замуж за Сунь Ятсена. Шокированные этим известием родители отказались дать дочери свое согласие. Они приводили множество доводов, в том числе упоминали разницу в возрасте: жениху было сорок восемь лет, невесте — чуть больше двадцати. Вокруг столько приличных молодых христиан, за которых Цинлин могла бы выйти замуж, говорили родители. Вот, например, Юн и Дань часто бывают у них в доме. Почему бы не выбрать одного из них или еще кого-нибудь? Чарли не забыл автомобильную аварию в Токио и холодный отказ Сунь Ятсена навестить серьезно пострадавшую жену. Несмотря на весь свой революционный пыл, этот человек не сможет стать достойным супругом их дочери. Однако наиболее сильные эмоции вызывал другой аргумент: у Сунь Ятсена уже есть жена и дети. Развод будет «предательством по отношению к женщине, делившей с ним невзгоды, и к детям», которые старше самой Цинлин. Если же Сунь Ятсен решит не разводиться, Цинлин ждет роль наложницы, и тогда она не только опозорит себя и своих родных, но и нарушит христианские заповеди. Семья Сун — «христианская семья, и ни одна из наших дочерей никогда не станет ничьей наложницей: ни короля, ни императора, ни величайшего из президентов земли», утверждал Чарли в письме, которое отправил Сунь Ятсену после того, как Цинлин заявила о своих планах быть наложницей Юань Шикая. Цинлин «испытывает отвращение даже к беседам с наложницами», добавлял отец девушки. И она никогда не вступила бы в разговор «со второй женой», если оказалась бы в ее обществе. Айлин тоже пыталась убедить младшую сестру в том, что ей не следует выходить замуж за Сунь Ятсена. Слова Айлин привели Цинлин в бешенство. В разгар бурной ссоры Цинлин лишилась чувств. Девушку отнесли наверх, в ее спальню, и заперли дверь снаружи. После этого инцидента в доме семьи Сун разыгралось еще немало жутких скандалов¹².

Цинлин ссорилась с родными в Шанхае, а в это время, в сентябре 1915 года, жена Сунь Ятсена прибыла по его приглашению в Японию, чтобы обсудить развод. Мучжэнь скорбела по недавно умершему брату Сунь Ятсена: А-Ми, который все эти годы поддерживал ее семью, скончался в возрасте шестидесяти одного года. Она потеряла человека,

который действительно заботился о ней и ее детях. Убитая горем Мужжэнь равнодушно восприняла заявление неверного мужа о намерении развестись. Она вернулась домой, в Макао, где прожила еще сорок лет. С Сунь Ятсеном они больше никогда не встречались.

Однако не существовало способа оформить их развод документом, который имел бы законную силу. Брак Сунь Ятсена и Мужжэнь был традиционным, и для женщины не предусматривалась возможность развода по обоюдному согласию. Развод обычно подтверждался письмом от мужа, в котором сообщалось о возврате жены родителям. Сунь Ятсен не хотел унижать Мужжэнь подобным образом.

Утверждая, что теперь он разведен по закону, Сунь Ятсен отправил в Шанхай гонца, чтобы тот привез Цинлин. Осенней ночью девушка сбежала из отчего дома и села на пароход, отправлявшийся в Японию. Согласно рапортам службы наблюдения японского правительства, Сунь Ятсен встретил невесту в Токио 25 октября 1915 года¹³. На следующий день они поженились. Церемонию провел Вада Мидзу в своем доме, пара подписала три экземпляра «брачного договора» на японском языке, который подготовил Вада. Не зная японского Цинлин думала, что Вада — «знаменитый юрист», а «договор» зарегистрирован согласно требованиям властей Токио и обладает юридической силой. В действительности же Вада Мидзу был не юристом, а владельцем небольшой торговой компании, и власти Токио не регистрировали браки иностранцев. «Брачный договор» представлял собой не имевшую юридической силы бумагу, которую Вада составил и завизировал как «свидетель». Всю церемонию разыграли только ради двадцатилетней Цинлин, которая училась в миссионерской школе и придавала огромное значение законности брака.

Сунь Ятсен не пригласил на свадьбу никого из своих друзей, кроме Ляо Чжункая — самого преданного и надежного человека, который исполнил роль второго «свидетеля». Ляо привел с собой одиннадцатилетнюю дочь Синтию, которая служила невесте переводчиком.

После подписания «договора» Вада устроил новобрачным легкий ужин. Затем все трое уехали на машине, которая привезла Сунь Ятсена. Ваду высадили у ресторана, где можно было поужинать с гейшами, а молодожены отправились домой. Теперь они жили не в крошечной

комнатушке, а в «уютном домике среди кленов с алой листвой». Этот домик очень нравился Цинлин. Она говорила, что свадьба была «предельно простой», и добавляла: «ведь мы оба терпеть не можем всякого рода церемонии»¹⁴.

Через день после свадьбы на пороге их дома появились родители Цинлин. Убегая, девушка оставила им письмо, и супруги Сун поспешили в Японию следующим же пароходом. Много лет спустя Цинлин писала своему другу и биографу Израэлю Эпштейну, которого называла Эппи, что родители отчаянно «пытались убедить» ее вернуться домой: «Мама плакала, а отец, который страдал болезнью печени, умолял меня... Он даже обратился к японскому правительству... утверждая, что я несовершеннолетняя и что меня принудили к замужеству силой! Естественно, японское правительство не смогло вмешаться. Я тоже горько плакала, но, несмотря на всю жалость к моим родителям, отказалась расстаться с мужем. Знаете, Эппи, хотя с тех пор прошло более полувека, у меня такое чувство, будто это было всего несколько месяцев назад»¹⁵.

Решение Чарли сообщить японскому правительству о поступке Сунь Ятсена свидетельствует о том, как сильно он был огорчен. Чарли считал Сунь Ятсена «порядочным и благородным» человеком, который «ни в коем случае не станет обманывать... друзей». Теперь же Чарли оказался серьезно разочарован поведением своего кумира. О своих переживаниях он поведал старому другу Биллу Берку: «Билл, еще ни разу в жизни меня так не оскорбляли». Чарли так и не простил Сунь Ятсена. Айлин и ее муж отмечали, что разрыв Чарли с Сунь Ятсеном «был окончательным... и давняя дружба превратилась во вражду»¹⁶.

Известие о браке Цинлин и Сунь Ятсена стало достоянием общест-венности. Миссионеры сочли, что Цинлин сбежала и вышла замуж тайно, поэтому советовали Чарли привезти ее обратно. Товарищи Сунь Ятсена не признали ее в качестве жены своего лидера и называли ее не «госпожой Сунь», а «барышней Сун».

Цинлин старалась не обращать внимания на подобные вещи и пребы-вала в твердой уверенности, что их союз основан на добродетели. Она полностью погрузилась в ощущение счастья, как писала своей подруге Элли спустя несколько недель после свадьбы:

«В последнее время я настолько рассеянна, что даже не помню, отправила тебе письмо или нет. На всякий случай пишу несколько строк, что я вполне обеспокоена [*sic*, спокойна], и счастлива, и рада, что мне хватило смелости преодолеть свои страхи и сомнения и решиться выйти замуж.

Я чувствую, что обзавелась семьей, и мне нравится семейная жизнь. Я *так занята* — помогаю мужу в его работе, отвечаю на его письма, разбираю все телеграммы и перевожу их на китайский. И я надеюсь, что когда-нибудь все мои труды и жертвы будут вознаграждены — и я увижу, что Китай избавился от гнета тирании и монархизма и стал республикой в лучшем смысле этого слова»¹⁷.

Упоминание о «жертвах» говорит о том, что в глубине души Цинлин понимала: ее брак не является законным. Она смирилась с этим, уверяя себя, что действует во имя всеобщего блага. Их брак был настоящим во всех отношениях, кроме официального статуса. Сунь Ятсен не нарушал клятву и хранил верность супруге, а Цинлин была готова отдать за него свою жизнь.

Тем временем у президента Юань Шикая, популярного в народе и надежно закрепившегося на своем посту правителя, начали непомерно расти амбиции. Он всегда мечтал об императорском престоле и в 1915 году провозгласил, что возвращает в Китай монархию и сам становится императором. Однако новоиспеченного монарха тревожило отсутствие легитимности. Трон императора в Запретном городе охранял вырезанный на потолке дракон, который держал в зубах большой серебряный шар. В народе говорили, что этот шар упадет на голову любому, кто сядет на трон, если этому человеку там не место. Юань Шикай так сильно боялся, что шар рухнет ему на голову, что приказал перенести трон подальше от дракона¹⁸. Общественность, привыкшая за последние десять лет громко выражать свое мнение, выступила решительно против возврата к монархии. Эти настроения поддержали соратники президента и военачальники. Республике суждено было остаться в стране надолго. Двадцать второго марта 1916 года, через восемьдесят три дня после

заявления о своем намерении стать императором, Юань Шикай отказался от этой затеи. На императорский престол он так и не взошел*.

Неудачная попытка Юань Шикая стать императором подорвала его репутацию, и Сунь Ятсен поспешил воспользоваться промахом оппонента. Сунь Ятсен опасался, что если Юань Шикай покинет пост президента, то, согласно конституции, его кресло автоматически займет вице-президент Ли Юаньхун. В этом случае Сунь Ятсен лишится дискредитировавшего себя противника. Ли Юаньхун, уважаемый военачальник, принявший активное участие в революции 1911 года, был способным политическим деятелем. Если Юань Шикай уйдет в отставку, Сунь Ятсену вряд ли удастся сместить Ли Юаньхуна с поста президента. Сторонники Сунь Ятсена понимали: необходимо немедленно свергнуть Юань Шикая. Сунь Ятсен отправлял срочные телеграммы из Японии в Китай, приказывая поднять восстание. Особые надежды он возлагал на «крестного отца» Чэня и отдал ему распоряжение организовать мятеж в Шанхае¹⁹.

Чэнь находился в Шанхае негласно и потому не сумел выполнить приказ Сунь Ятсена. «Крестного отца» разыскивало не только китайское правительство, но и власти сэтльмента. Всех раздражало его стремление превратить Шанхай, который и так уже стал раем для бандитов, в поле боя. Во время республиканской революции 1911–1912 годов «крестный отец», удерживая в своих руках город, не боролся с бандами, а, наоборот, защищал их, тогда как многие другие поддерживавшие республиканцев лидеры провинциальных банд выступили против бывших товарищей. Гангстеры отовсюду стекались в Шанхай и чувствовали себя там весьма вольготно.

* В июле 1917 года была предпринята еще одна попытка реставрации монархии — на этот раз генералом Чжан Сюнем, который сохранял преданность маньчжурской династии. Вместе со своими подчиненными он носил прическу в маньчжурском стиле — косу, — и его прозвали «генерал с косой». Его армия вошла в Пекин и возвела последнего императора Пу И на престол в Запретном городе. Но реставрация почти не пользовалась поддержкой. Даже придворные, вызванные во дворец для подготовки императорских указов, были «слишком раздражены и встревожены, чтобы проглотить хоть что-нибудь» за обедом у императора. Мальчишки-газетчики, торговавшие вразнос указами, кричали: «Покупайте древности! Древности за шесть медяков! Через несколько дней будет еще!» Этот фарс продолжался всего двенадцать дней.

Теперь даже бандиты отвернулись от Чэня. Он вышел за рамки привычной для них деятельности, ввязался в политику и попал в команду проигравших. Он был уже не могущественным «крестным отцом», а всего лишь неудачливым революционером. Помимо того что он не сумел успешно провести выступления, ему не удалось собрать средства. В те времена, когда Чэнь контролировал весь Шанхай, он шантажировал владельцев банков и бизнес-структур, и они «отстегивали» ему огромные суммы. Однажды «крестный отец» услышал от директора шанхайского отделения «Банка Китая», что тот не может просто так отдать деньги из банка. Чэнь приказал схватить этого человека, и банк тут же заплатил требуемую сумму. Но сейчас Чэню оставалось лишь мечтать о столь легких решениях. Ему было нечем расплачиваться за волнения и мятежи, и он не мог содержать такое количество наемников, как ему хотелось бы. По сути, президент Юань Шикай воспользовался его же оружием и стал гораздо более завидным покровителем для профессиональных убийц.

Поскольку дела у Чэня почти не двигались, а неудачи следовали одна за другой, Сунь Ятсен относился к бывшему соратнику все более нетерпимо и презрительно. Его приводил в ярость тот факт, что теперь он вынужден был финансировать «крестного отца». Сунь Ятсен тайно прибыл в Шанхай, чтобы взять руководство в свои руки; такое поведение не было ему свойственно и говорило о том, как он спешил. Юань Шикай мог с минуты на минуту заявить о своей отставке, ведь на него оказывали огромное давление, требуя именно так и поступить. При личной встрече Сунь Ятсен сурово отчитал «крестного отца»; когда они расставались, Чэнь находился в крайне подавленном состоянии. Болезни давно уже мучили его, и окружающие отмечали, что он выглядел «изнуренным и безжизненным, как скелет». Несмотря на то что «крестный отец» числился в розыске, он ходил по улицам Шанхая без охраны. На самом деле телохранитель был ему просто не по карману. Вскоре Чэнь по собственной неосмотрительности угодил в смертельную ловушку.

Один из товарищей-революционеров, ставший доносчиком, сообщил Чэню о «сделке» с какой-то «горнодобывающей компанией». Сделка сулила значительное пополнение для казны Сунь Ятсена, и Чэнь

согласился на переговоры. Восемнадцатого мая 1916 года он отправился в дом, который часто использовал для встреч с «представителями компаний». В гостиной его поджидали пятеро таких «представителей». Чэня убили выстрелом в голову, он погиб в возрасте тридцати восьми лет. Охраны в доме не было, убийц впустили внутрь, не проверив, есть ли при них оружие. Подобная беспечность кажется удивительной; к тому же и сам Чэнь, и Сунь Ятсен знали, что эта «горнодобывающая компания» — фикция. По-видимому, Чэнь решил, что, если ему повезет, он добудет деньги для Сунь Ятсена, а если нет, тогда и смерть ему не страшна²⁰.

После того как Чэня застрелили, хозяин дома пожелал сразу же избавиться от трупа. В соседней комнате находились люди, но никто не захотел браться за это дело. Узнав о случившемся, на место примчался Чан Кайши: будущий генералиссимус, убивший по приказу Чэня политического соперника Сунь Ятсена, считал «крестного отца» своим наставником и любил его как брата. Чан Кайши перевез тело Чэня к себе в дом, где устроил прощание с покойным. Лишь несколько человек явились воздать ему последние почести. Сунь Ятсен, жизни которого тоже угрожала опасность, не приехал. Некогда грозный «крестный отец» после смерти оказался совсем одиноким. Его тело поместили на хранение, так как у его семьи не было средств на достойные похороны. Чан Кайши был возмущен. Он написал горькую траурную речь, в которой гневно обличал «друзей» Чэня. Не упоминая имени Сунь Ятсена напрямую, Чан Кайши намекал, что тот подло поступил по отношению к человеку, который активно помогал ему делать политическую карьеру, и это сыграло свою роль в смерти Чэня²¹.

Когда об убийстве «крестного отца» Чэня стало известно в Японии, Цинлин первым же пароходом поспешила в Шанхай, к мужу. Она очень переживала и считала, что только рядом с ней Сунь Ятсен будет в безопасности. В Шанхай она прибыла ранним утром следующего дня. Сходя на берег по окутанному туманом трапу, Цинлин увидела на пристани знакомую фигуру — ее ждал Сунь Ятсен. То, что он приехал ее встречать, было поистине удивительно — Цинлин даже ласково называла его «страшно занятым человеком». К тому же он серьезно рисковал, появляясь на людях. По всей вероятности, именно любовь Цинлин подвигла

Сунь Ятсена на такой шаг: он хотел выразить ей свою признательность. Цинлин была растрогана поступком мужа и одновременно испытала глубокое облегчение, убедившись, что он невредим²².

Через восемнадцать дней после прибытия Цинлин президент Юань Шикай умер от уремии, так и не сложив с себя полномочия. Ему было пятьдесят шесть лет. Сунь Ятсен лишился своего противника. Преемником Юань Шикая автоматически стал вице-президент Ли Юаньхун. Сунь Ятсен приостановил начатую войну и задумался о том, как с ним поступить. А для Цинлин все это означало, что теперь ее мужу ничто не угрожает. Она ликовала.